

«Детское чтение для сердца и разума»
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

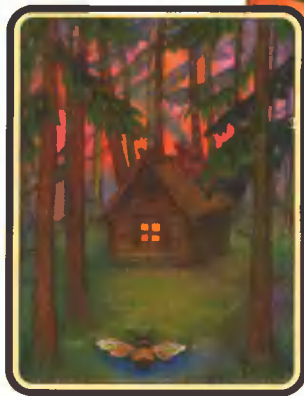
8

Детская

2005 (74)

РУССКИЙ МУЗЕУМ:
А. Иванов

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Заблудился

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Николай Вагнер
Цапа-пряник

К. Коровин
Пристань в Крыму.
1913 г.

В номере:

3

Николай Вагнер
Папа-пряник

13

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Катерина Ракитянская
Душа Северной Пальмиры

15

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

16

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Наталья Гаврикова
Квакша, которая хотела стать красивой

18

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Виктор Липатов
Ветка и дерево

20

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

20

ЖИВОЙ УГОЛОК

Алексей Глебов
Заблудился

22

ИГРОТЕКА

22

УМЕЛЫЕ РУКИ

Родник — чудо природы

23

РАССКАЗЫ

Денис Буточников, Николай Ходов
Помощник

24

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Главный художник

Юрий Коннов

Заместитель главного редактора

Ирина Платонова

Редактор-составитель

Екатерина Рощина

Художественное

редактирование и макет

Татьяна Погудина

Зав. производством

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка

и цветоделение

Александр Муравенко

Корректор

Людмила Пономаренко

Финансовая группа

Елена Петрова

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Юриконсульт

Виктор Кудинов

Приёмная редакции

Нина Кошелева

Журнал выходит

один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы:

72766 — на полгода

71899 — на год

79796 — на полгода

(для подписчиков

других государств)

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел. (095) 261-84-61

Факс (095) 261-49-29

e-mail: rg@netman.ru;

roman_gazeta@pisem.net

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО ордена Трудового Красного

Знамени «Чеховский

полиграфический комбинат»

(142300, г. Чехов Московской обл.)

Тел (501) 443-92-17, (272) 6-25-36

e-mail: chpk.marketing@chehov.ru

Тираж 5000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 3894

Журнал для детей среднего

школьного возраста

© «Роман-газета», 2005 г.

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Scan: Ershov V. G., 08.03.2006

Николай Вагнер Папа-пряник

Художник О.Ионайтис

Это было давно, но может случиться и сегодня и завтра — одним словом, когда придётся.

У Папы-пряника был большой торжественный праздник, а ты, верно, не знаешь, что Папа-пряник над всеми сладостями король и всем пряникам пряник.

И вот раз сидел он на своём троне, в короне из чистого сусального золота, в глазированной мантии с миндальными хвостиками и в маленьких новомодных шоколадных сапожках. Трон его был большой, высокий пряник, обсыпанный самым чистым блестящим сахаром-леденцом, да так густо, что снаружи никак нельзя было видеть, что было внутри, но от этого самого он казался ещё вкуснее и слаще, чем был на самом деле.

Вокруг трона стояла почётная стража, в золотых мундирах, с фольговыми саблями и шоколадными палками в руках. Всё это были что ни на есть самые лучшие пряничные солдаты, с сахарными цукатами.

А дальше полукругом сидели всякие сановники, разумеется, не настоящие, а сахарные.

Позади них было множество прекрасных кавалеров и дам. Все кавалеры смотрели в одну сторону: в ту самую, в которую были повернуты.

А дамы были просто прелесть. Они были из белого безе со сливками, лёгкие, полувоздушные, пустые внутри. Каждая из них думала, что слаще её нет ничего на свете, и, смотря на каждого кавалера, думала: «Вот он!» А кавалеры так и таяли, потому что все были из чистого леденца.

Кругом повсюду, для порядка, были расставлены кондитеры в белых колпаках, фартуках и с медными кастрюлями. Они стояли с чрезвычайно серьёзными минами, потому что честно относились к искусству и считали себя призванными смягчать горечь этой жизни своими произведениями.

Наконец, тут же в зале стояло множество детей, больших и малых, глупых и умных, добрых и злых. Они смотрели на Папу-пряника и его стражу, на его сановников, на кавалеров и дам, на варенья и конфеты. Одни думали: «Ах, если бы нам дали вот эти бонбоньерки!» — а другие: «Ах, если бы попробовать нам хоть один пряник!» — и все облизывались, что было совсем некстати, потому что они ещё ничего не отведали.

— Ну! — сказал Папа-пряник. — Принесите теперь награды. Сегодня мы награждаем всех умных и прилежных детей. И это так и следует по закону. Потому что поощрение везде необходимо.

Принесли на огромном серебряном подносе огромный пряник. Ах, что это был за пряник! Такого, наверно, никогда не было и никто во сне не едал. Пухлый, рыхлый, поджаренный, подпечённый, с вареньем, изюмом, коринкой, миндалём, мускатом, цукатом, ну, словом, со всем, что в нём было, на всякий вкус, даже такой, какого вовсе и не было. А когда стали резать этот пряник, то из него просто так-таки и потекло самое вкусное варенье, а у всех детей потекли слюнки... Ах! Нет, лучше и не рассказывать!..

Папа-пряник подзывал к себе каждого умного прилежного мальчика и давал ему по большому куску вкусного пряника.

Когда все прилежные ученики были награждены, а глупые лентяи проглотили все свои собственные слёзы вместо пряника, то Папа-пряник снова встал со своего трона и сказал:

— Теперь надо назначить к будущему празднику премию за добрые дела, потому что и в добрых делах должна быть конкуренция. Я предлагаю самый большой вкусный пряник тому, кто сделает настоящее доброе дело. Идите и радуйтесь!

Когда все дети разошлись по домам, то начали играть в мяч, кегли и даже бирюльки, так что все пряники были забыты, а добрые дела подавно. Только трое мальчиков на другой день вспомнили, что было вчера, и это было хорошо, потому что мог бы и никто не вспомнить.

Одного мальчика звали маленьким Луппом. Когда он хорошо вёл себя, то отец давал ему два серебряных пяточка, а так как он каждый день хорошо себя вёл, то в неделю у него накоплялось столько пяточков, что, пожалуй, и не сочтёшь, и, во всяком случае, на эти пяточки в воскресенье можно было купить отличных пряников. Но маленький Лупп умел считать и даже рассчитывать. Он отправился прямо в кондитерскую лавку и спросил:

— Сколько стоит самый большой пряник?

Оказалось, что он дороже всех пяточков, которые можно скопить в целый месяц. Одним словом, страшно дорог.

— Ну, — сказал Лупп, — я буду непременно в выгоде.

И через три дня он, с шестью пяточками в кармане, пошёл в один большой дом.

Там, внизу, в подвале, почти совсем под землёй, в тёмной каморке, жил бедный башмачник с женой и шестью маленькими детьми.

Маленький Лупп отдал им шесть пяточков.

«Ну, — подумал он, — пусть наслаждаются! Я сделал настоящее доброе дело, потому что оно с расчётом, а это самое главное!»

Но вот в том-то и штука — сделал ли он настоящее доброе дело? А это узнать не так легко, ну да и не очень трудно. Ведь у каждого человека, маленького и большого, в сердце сидит хорошенькая крошечная девочка в белом платице. Но только это платице не всегда бывает чисто. Если кто-нибудь сделает доброе, хорошее дело, то маленькая девочка начинает прыгать от радости и тихо поёт весёлые песенки.

Но если человек сделает что-нибудь дурное, то маленькая девочка горько заплачет. Да и как же ей не плакать, когда от каждого дурного дела у ней на бе-

леньком платье выходит чёрное пятнышко, как будто на него брызнули грязью? Кому же приятно ходить в платье с пятнами?

Говорят, что эту маленькую девочку зовут совестью.

И вот только что Лупп успел сделать доброе дело, как маленькая девочка в его сердце принялась громко хныкать, хныкать и приговаривать: «С выгодой, с расчётом! Этак всякий сделает». Но Лупп назвал маленькую девочку безрасчётной дурой, которая ещё глупа и ничего не понимает. Что ж? Быть может, он был и прав.

Другого мальчика, который захотел сделать настоящее доброе дело, звали маленьким Кином. Он был очень беден и ходил в оборванных лохмотьях. Самым лучшим наслаждением для него было сидеть на тротуарном столбике, с куском грязи в руке, и ждать: как только мимо него проезжала какая-нибудь маленькая красивая коляска, в которой сидели нарядный кавалер со своей дамой, он тотчас же бросал кусок грязи в коляску, да так ловко, что забрызгивал и кавалера и даму. Правда, иногда за это на него бросался полицейский солдат, но он так бойко бегал, что даже на собаках его нельзя было догнать. Это он называл охотой за красными перепёлками. Когда он видел, что извозчик бил свою измученную лошадку, он говорил: «Валяй её с треском, авось она почувствует любовь к тебе и погладит тебя копытом по морде. То-то вышло бы красиво!» Когда при нём повар резал курицу и бедная билась, обливаясь кровью, он смотрел и думал: «Так бы им всем, да и тебе тоже, потому что на свете всё гадко и скверно!» Он связывал котят хвостами вместе и вешал их, как пучок редисок, на забор. Бедные котята прыгали, пищали и мяукали, а Кин хохотал и говорил: «Вот так концерт, и притом даром! Отличный концерт!» Всем и каждому Кин старался досадить как можно лучше. За это его били как можно сильнее, но ведь от этого он становился ещё злее, он скрипел зубами и кусался, как собака. Одним словом, это был настоящий злой мальчик, жёлтый, худой, с серыми злыми глазами, с общипанными волосами, которые торчали во все стороны, как щетина на старой щётке.

И вот этот-то самый мальчик задумал сделать настоящее доброе дело. Он думал: «Возьму я да украду у лавочника Трифона все деньги, что у него в конторке заперты. Говорят, что у него денег непочатый угол лежит взаперти, впотьмах. Все их выпущу я на божий свет и раздам я эти деньги бедному дедушке Власу, башмачнику Кирюшке и слепой старухе Нениле. Да нет, они, пожалуй, все их пропьют, и пойдут деньги к целовальнику. Лучше я возьму да утащу у повара Ивана его большой острый ножик, которым он режет куриц, подкрадусь и зарежу эту маленькую злую барыню, что живёт там в большом доме. Ну, а если меня за это повесят, и все эти гадкие люди соберутся и будут смотреть, как меня будут вешать. У-у! Поганые вороны!»

И Кин думал обо всём этом, а сам шёл по улице. Холодный ветер дул и бил его по лицу дождём, который падал на землю и тут же, без церемонии, замерзал. На тротуарах был лёд, люди ходили и падали, потому что было скользко, а Кин смеялся над ними. Он шёл босиком, его ноги примерзали к земле, он прыгал, злился и хохотал.

Вот из-за угла вышел дедушка Влас с ведром воды. Это был очень старый дедушка. Весь седой, беззубый, глухой и сторбленный. Ему давно пора было лечь куда-нибудь на лежанку, в тёплый угол. Но ведь ещё не припасено тёплых углов для всех бедных дедушек.

Шёл он тихо и осторожно, как бы не пролить воды, шёл-шёл, да вдруг поскользнулся и упал. Если молодые да сильные лошади и люди падали, как маленькие ребятки, так отчего ж было не упасть и старому дедушке Власу? И он

упал, да так ловко, что совсем растянулся на земле, ушиб и спину, и затылок, шапка полетела в сторону, ведро в другую, и вся вода из него пролилась, как будто её и не бывало. Увидел Кин, как упал дедушка, да так и залился хохотом.

— Что, дедушка Влас, — кричит он, — никак, ты не подкован? Ведь это, брат, нехорошо, что ты на тротуаре вздумал на собственных салазках кататься. На это есть ледяные горы. Ха, ха, ха!

А дедушка Влас пробовал встать и не мог. Несколько раз уж совсем он приподымался, да вдруг ноги скользили, и он опять падал; а Кин ещё сильнее хохотал.

— Эй, дедушка, — кричал, наклонившись над ним, Кин, — ведь ты не на лежанку лёг, дедушка Влас, замёрзнешь ты тут, старый глухарь.

— Подними его! — шепнуло сердце Кину.

— Не подниму, — сказал он, стиснув зубы.

И вдруг вспомнил он, как один раз за ним гнались два сильных лакея с ремнём, чтоб отколотить его за то, что он разбил камнем большую вазу. Это было зимою, в холодный, дождливый день. Тогда он бросился во двор, где жил дедушка Влас, и спрятался в его конуре. Прибежали лакеи, но дедушка уверил их, что на дворе нет Кина, и спрятал его у себя и кормил его целых два дня. На третий день ушёл от него Кин и, уходя, взял и разбил старый горшок, который был единственный у дедушки. Разбил так себе, на память о том, что гостил у дедушки. Всё это вспомнил теперь Кин, наклонившись над ослабевшим дедушкой Власом.

Дедушка лежал и дышал тяжело, а люди всё шли мимо да мимо и сторонились, обходя старого дедушку.

— Видишь, собаки, — сказал Кин, — у них руки отнимутся поднять старика. Поганые вороны! — И он наклонился и из всех детских сил своих маленьких, но сильных рученок приподнял старого дедушку.

— Обопрись на меня крепче, старый хрыч, — говорил он, сам скользя и падая, и поставил наконец дедушку на ноги, потом надел на него шапку, захватил ведро и, поддерживая, повёл дедушку Власа домой. Там он уложил его на старой постельке.

— Спасибо тебе, касатик, спасибо, родной, — бормотал дедушка. — Спасибо за доброе дело.

Но, не слушая его, Кин вышел во двор. Голова у него горела, за горло точно схватил кто-то сильной рукой и крепко сжал. Он тяжело дышал, шёл шатаясь и не знал, что с ним делается. И вдруг он ясно почувствовал, как в сердце у него встрепенулась маленькая девочка, встрепенулась, как птичка после долгого сна, встрепенулась она и заплакала и вместе с тем сквозь горькие слёзы улыбнулась, да так приветно и радостно, что Кин сделался сам не свой. Он облокотился о фонарный столб, стиснул голову обеими руками и вдруг громко зарыдал на всю улицу. Долго рыдал он. Ведь это были почти первые слёзы в его жизни, потому что он плакал тогда только, когда был ещё очень, очень маленьким Кином.

А маленькая девочка всё прыгала в этом сердце и пела, сквозь слёзы, тихую песенку.

— Не прыгай! — говорил Кин, прижимая сердце рукой. — Я не хочу гордиться моим добрым делом, я не хочу знать, слышишь ты, я не хочу знать, что я сделал доброе дело!

Но девочка всё-таки прыгала и пела песенку.

— Слушай, ты, — сказал Кин, подняв голову и стиснув свой маленький кулак. — Слушай, Папа-пряник, я не для тебя сделал доброе дело, не за твой гадкий пряник, не нужен мне он: я помог старому дедушке Власу потому, что ему нужно было помочь, потому что мне, собственно мне, захотелось этого крепко-крепко. — И он опустил свою голову и тихо пошёл домой.

Но он шёл уже совсем другим Кином, а не тем, каким он был до тех пор. На него солнце светило так радостно, перед ним так весело блестели мокрые тротуары, и люди шли и смотрели на него приветливо, как будто говорили: вот, смотрите, идёт добрый маленький Кин, хороший мальчик.

Что ж? Быть может, он и в самом деле сделал настоящее доброе дело. А вот мы это увидим. Не надо только никогда торопиться. Ведь мы ещё не знаем, что сделал третий маленький мальчик.

Его звали весёлым Толем. Все волосы у него вились в мелкие кудри, а щёки были полные и румяные. Его голубовато-серые глаза всем так ласково улыбались, что все говорили: «Ах, какой славный мальчик!» Да! Толь был действительно славный мальчик.

Он жил высоко наверху в маленькой комнатке, вместе со своей старой бабушкой, и тут же наверху, под самой крышей, жило много голубей. Они все знали Толь, потому что Толь кормил их крошками. Когда Толь шёл по двору, голуби слетались к нему, кружились вокруг него, садились к нему на плечи и целовали его.

Когда Толь был на празднике у Папы-пряника, то и ему был дан кусок пряника, потому что он прилежно ходил в школу и хорошо учился. Толь принёс пряник своей бабушке.

— Ах ты, мой милый соколик! — сказала она. — Кушай его на здоровье, радость моя.

— Нет, бабушка, ты только маленький кусочек съешь, отведай.

Бабушка съела маленький кусочек и сказала, что пряник очень хорош. А Толь пошёл к своим маленьким друзьям, ко-

торых было у него много. У одного лодочника Жана было целых четверо, мал мала меньше, и все они крепко любили Толя.

— Ну, цыплятки, — сказал он, входя на чердак к Жану, — хоть вы и не были на празднике у Папы-пряника, а всё-таки вам будет сегодня праздник. — И он развернул бумагу и показал им пряник с блестящей золотой надписью.

Толь взял ножик, разрезал пряник пополам и одну половину разделил по кусочку всем четырём.

Дети быстро съели свои кусочки, облизались и теребят Толя со всех сторон.
— Дай ещё хоть немножко, чуточку!

— Дай им ещё, — говорит Жан, который сидит нахмуренный в углу, подперев голову одной рукой, — дай им ещё, ведь они третий день ничего не ели!

— Как! — вскричал Толь. — И ты мне ничего не сказал! Это очень нехорошо!

— Да, как же, вот я пойду сейчас отыскивать тебя, чтобы ты принёс им кусок хлеба!

Но Толь уже не слушал его. Он бежал с лестницы, бежал бегом, сел на перила и мигом скатился, слетел по ним вниз. Он прибежал, запыхавшись, к толстому булочнику Беккеру.

— Господин Беккер, — сказал он, — вот вам кусок пряника, пожалуйста, дайте мне за него простой чёрный хлеб, он мне очень нужен.

— На тебе самый хороший хлеб, — сказал Беккер, — а пряника твоего мне всё-таки не надо — съешь его сам.

— Благодарю вас, господин Беккер, очень вас благодарю. — И он побежал к лодочнику Жану.

— Постой, — сказал Жан, когда Толь принёс хлеб, — им нельзя давать много, они с голоду не перенесут этого и умрут. — И он отрезал по маленькому кусочку и раздал своим цыпляткам, потом отрезал и себе кусок, потому что и он уж давно ничего не ел.

Цыплятки съели хлеб, даже после пряника, потому что были голодны, а голод не тётка. Потом Толь пошёл с другой половиною пряника и раздал его другим детям. Они все целовали его и говорили:

— Ах, какой вкусный пряник! Спасибо тебе, дорогой, добрый, кудрявый Толь!

И когда раздал Толь весь пряник, то вспомнил, что он ещё не отведал его сам, но у него уж не осталось ни крошки.

— Ну, — сказал Толь, облизывая пальцы, которые были в варенье, — ведь варенье самая вкусная вещь в прянике, а его-то вкус я знаю теперь.

Между тем бедный лодочник Жан сидел всё на одном месте, в тёмном углу, и с ним вместе сидела его тяжёлая, чёрная дума. Она сидела у него на плече и шептала ему на ухо: «Вот ты теперь остался без работы и без места, потому что у тебя рука заболела и рассорился ты с своим хозяином, который заставлял тебя работать даже с больной рукой. Куда ж ты теперь пойдёшь? Твои дети умрут с голода. На свете всё черно, везде темно и гадко. Возьми и убей своих цыплят, если ты желаешь добра им, убей и себя, потому что у мёртвых нет ни стыда, ни забот, ни горя. Они сладко спят в покойных могилах».

И чем дольше сидел Жан, тем громче говорила ему чёрная дума всё одно и то же. И не мог отогнать он её, эту неотвязную чёрную думу, потому что она крепко сидела на плече у него.

Наконец встал Жан и пошёл к соседу. Он выпросил у него жаровню с горячими угольями, принёс к себе и поставил посреди комнаты.

— Вот вам, — сказал он, — цыплятки, последнее угощение от вашего бедного отца: засыпайте спокойно и крепко, чтобы не проснуться, когда вас понесут в холодные могилки.

— Ты нам хочешь супу сварить? — спрашивает его Поль.

— Да, супу, хорошего супу, какого вы никогда ещё не едали и никогда больше не будете есть. Только ложитесь теперь спать, потому что он ещё не скоро сварится. — И он всех их уложил, расцеловал, закутал чем мог, заткнул все дыры в разбитом окне, ушёл и запер дверь на задвижку. Ах, чёрная дума нашёптывала ему страшное дело! От горячих углей подымался синий удушливый дым, и он шёл, наполнял комнату, ему некуда было выйти, он тихо обхватывал детей, и в нём должны были задохнуться, умереть все маленькие дети Жана.

А сам он, угрюмый, бледный, тихо вышел на улицу, и вместе с ним пошла чёрная дума.

И ведёт его чёрная дума сквозь ночную мглу, и сечёт холодный дождик его открытую голову, бьёт по лицу, а ветер треплет его мокрые волосы.

И он торопится сквозь дождь и мглу, а чёрная дума шепчет ему с каждым шагом: скорее, скорее! Он идёт глухими переулками, идёт к широкой реке, а река бежит глубоко во тьме и смотрит на него холодными глазами.

И сходит Жан вниз по скользким, мокрым ступеням.

— Жан! Жан! — кричит позади него громче и громче детский голос. — Жан!..

И обернулся Жан посмотреть, кто вспомнил его и зовёт, когда он уже сходит в могилу.

— Жан! — кричит, задыхаясь и погасая, голос из мрака, и весь мокрый, усталый, в слезах падает Толь к ногам его и крепко обнимает его ноги. — Жан, — говорит он, едва дыша, — я давно бегу за тобой.

— Зачем ты здесь? — бормочет Жан. — Что тебе нужно? Пусти меня и ступай домой.

— Мне нужно тебя, милый Жан, не отталкивай меня, не торопись в воду: они ещё придут, светлые дни, и снова проглянет солнышко, и ты будешь опять бодр и весел. Я буду помогать тебе, как другу, как брату.

— Пусти, — шепчет Жан, стараясь отцепить ручки Толя, — пусти, я не хочу чужого хлеба, мне нет тут места.

— Добрый Жан, это будет мой хлеб, твоего друга, ты мне отдашь его, когда я буду голоден, и мы все должны помогать друг другу.

— Пусти, пусти, — шепчет Жан, задыхаясь и отталкивая из всех сил закостевевшие вокруг ноги его руки Толя, но больная рука его не слушается. — Пусти, — шепчет он, — они к нам не придут, они все крепко уснули...

— Они живы, Жан, они не спят: я ведь выбросил от них гадкую жаровню, я впустил к ним чистого воздуха, они все живы, веселы, сыты, они ждут тебя, своего милого папу, — они — сизые... гули!..

И Толь выпустил наконец ногу Жана: у него не стало больше силы. И, бормоча несвязные слова, он упал на мокрые, скользкие ступени, упал как мёртвый, без чувств, без сознания, бледный, с закрытыми глазами, и покатился в воду. Жан быстро нагнулся и подхватил его. Он сел на мокрые ступени, он весь дрожал, чёрная дума отлетела от него. Он взял на руки бледного Толя, посмотрел на него, крепко поцеловал и прижал к сердцу.

— Голубь мой, белый, добрый голубь, — сказал он, — ты спас их, спас и меня также!

И он встал и, шатаясь, понёс Толя на руках к себе домой...

Ну, наконец мы наверно узнаем, кто из трёх сделал настоящее доброе дело, потому что наступил праздник и все дети собрались идти к Папе-прянику. Все, маленькие и большие, умные и глупые, добрые и злые, всем хотелось видеть, кому дадут самый большой пряник. Ведь это действительно любопытно.

Не пошёл только один Кин, да ведь он и не желал ни получать пряника, ни видеть, как его получают, потому что считал и пряник-то гадким.

Все дети шли весело и охотно, а путь был не малый. Ведь Папа-пряник живёт не близко, не далеко, как раз за тридевятью землями, в том тридесятом царстве, про которое в сказках говорится.

И вот наконец они все пришли куда следует, как и надо было ожидать, и при том к самому началу, а это-то и называется аккуратностью.

Папа-пряник по-прежнему сидел на своём троне, в короне из чистого сусального золота, по-прежнему сидели сановники, одним словом, всё было по-прежнему, как было уж давно, потому что к этому все привыкли, а Папа-пряник больше всех.

Он хорошо всё знал: знал, что сделали все дети, и маленький Лупп, и злой Кин, и весёлый Толь.

— Ну, — сказал Папа-пряник, который был очень весел, потому что награждать всегда приятно, а тем более за настоящее доброе дело. — Ну! Принесите теперь самый большой пряник. Пусть все видят, какая это хорошая награда, ибо мы не намерены этого скрывать.

Тогда обе половины дверей растворились настезь и показалась процессия. Впереди шёл обер-церемониймейстер со всеми церемониями, какие только были у него, за ним шёл унтер-церемониймейстер, без всяких церемоний, просто

в халате, за ним обер-гофшенк с серебряной вилкой, потом шли все сильные люди, и они-то все несли самый большой пряник, потому что он был очень тяжёл.

Когда пряник поставили куда следует, чтобы он всем был виден, и сняли с него покрывку из красного бархата с золотыми кистями, то все увидели, что это был настоящий пряник, который действительно мог получить только тот, кто сделал настоящее доброе дело.

— Маленький Лупп, — сказал Папа-пряник, — подойди сюда!

— Ну! Вот видите, — сказал Лупп, — что значит делать доброе дело с расчётом, всегда будешь в выгоде, — и подошёл к Папе-прянику.

— Ты, — сказал король, — сделал дурное дело, потому что истратил шесть пятачков, и ничего от нас не получишь. Ступай себе туда, откуда пришёл.

И Лупп повернулся и пошёл, бормоча под нос, что Папа-пряник — ловкий аферист, с которым не стоит иметь никаких дел: как раз надует. И при этом он откусил ноготь на мизинце, да так ловко, что больше нечего было и кусать.

— Маленький Кин, — сказал Папа-пряник, — это злой мальчик. Немного стоило ему труда поднять доброго старого дедушку Власа и довести его домой, но и на это немного он не скоро решился. Да притом ведь его нет здесь, и он сам не захотел получить самого большого пряника. Весёлый Толь, поди сюда! Этот пряник твой, он твой, потому что у тебя настоящее доброе сердце, которое само, легко и свободно, не зная и не ведая, творит каждое доброе дело; он твой, потому что ты сделал настоящее доброе дело: ты спас не только Жана и его детей от страшной смерти, но ты спас в нём лучшее, что есть в человеке, — ты спас в нём самого человека!

И только что он сказал всё это, как все встали со своих мест и громко закричали: «Да здравствует справедливость и наш добрый король Папа-пряник сорт первый!» Дамы замахали платками, и на глазах их от сладости умиления выступила сахарная вода, а все кондитеры застучали в медные кастрюли, что составило самую отличную музыку, и под эту музыку Толь выступил из толпы и подошёл к трону короля.

— Стойте вы все! — закричал он, подняв кверху руку, и все замолчали. — Теперь слушай ты, Папа-пряник. Прежде чем награждать, растолкуй ты мне, чего я понять не могу, и тогда я возьму твой пряник, потому что я ничего не хочу делать, не понимая, как обезьяна. Если легко было сделать настоящее доброе дело, если я сделал его, не зная, не ведая, то за что же ты меня будешь награждать? За настоящее доброе сердце, — но ведь я с ним родился, и за это ты мог бы наградить только мою добрую маму, если бы она не умерла. Папа-пряник, рассуди: ведь я люблю Жана; как же мне было не броситься к нему и не уговорить, чтоб он не топился. Ах, если бы он утонул, меня не утешил бы самый большой твой пряник. За что же ты меня хочешь наградить — растолкуй ты мне это, Папа-пряник.

Но Папа-пряник молчал: он только развёл руками.

— Ты представь себе, — продолжал Толь, — если бы доброго Жана не одолела чёрная дума и он бы не захотел топиться, то я не спас бы его и награждать тебе было бы меня не за что. Неужели же нужно будет наградить чёрную думу за то, что она дала мне случай сделать настоящее доброе дело? Ах, растолкуй ты мне это, Папа-пряник.

Но Папа-пряник ничего не растолковал. Он только сказал:

— Мы! — улыбнулся и снял корону.

Николай Петрович Вагнер
(1829—1907)

Окончил отделение естественных наук Казанского университета. С 1848 года выступал с популярными статьями на темы зоологии. С 1860 года — профессор зоологии Казанского, а в 1870—1885 годах — Петербургского университетов. Автор учебника зоологии, с 1891 года — президент Русского общества экспериментальной психологии.

Литературный псевдоним Н.П.Вагнера — Кот-Мурлыка. Его любимый литературный жанр — философская сказка. Вагнер писал, что его сборник сказок и притч «Сказки Кота-Мурлыки» (1872 г.) написан под влиянием Г.Х.Андерсена. Все сказки Вагнера проникнуты стремлением направить ум и чувство маленького читателя в сторону подвига и добра.

— По-моему, — продолжал неугомонный Толь, — лучше бы отдать пряник Кину, потому что он был злой и пересилил себя, и сделал доброе дело, да так сделал, что всю жизнь он его не забудет.

Наконец Толь замолк. А Папа-пряник тоже помолчал, подмигнул левым глазом и проговорил громко и внятно, во всеуслышание:

— Ты очень добрый и умный мальчик, но не рассудил об одном, не рассудил, что, объявляя награду, я вызываю доброе дело и его сделает даже тот, кто без награды никогда бы его не сделал.

Но весёлый Толь перебил его:

— О! Я рассуждал и об этом, я думал об этом, но скажи мне, добрый Папа-пряник: давая награду одному, не возбуждаешь ли ты зависть во многих других? И сколько эти другие должны иметь доброты, чтобы все они не завидовали одному?

— Ах, какой ты славный, умный, умный мальчик! — вскричал Папа-пряник. — Возьми же ты всё-таки пряник и делай с ним что хочешь!..

И Папа-пряник вскочил со своего трона. Он быстро подошёл к Толю и поцеловал его, да так громко, что всем стало весело.

И все сановники, кавалеры и дамы тотчас же при этом увидели, что у Толя настоящее доброе сердце. И все потянулись целовать его, но он отошёл прочь, поклонился королю, поклонился обер-гофшенку и унтер-гофшенку, взял золотой нож у обер-гофшенка и серебряную вилку у унтер-гофшенка и начал резать пряник. Все дети обступили его. Он их расставил рядами, каждому давал по куску и всем разделил пряник поровну, так что никому не было ни завидно, ни обидно, а в том-то вся и сила.

И вот всё это действительно случилось, хотя и очень давно, но может опять случиться и сегодня, и завтра, одним словом, когда придётся, потому что срок для всего этого ещё не положен.

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Ф. Тютчев

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВРЕМЕНИ

Душа Северной Пальмиры

Катерина Ракитянская

Исаакиевская площадь. Памятник императору Николаю I. Исаакиевский собор

Петербург — один из интереснейших городов мира. Каждое строение — это отдельный захватывающий рассказ. Символами города на Неве являются Медный всадник, шпиль Адмиралтейства и величественные здания Исаакиевского собора... Исаакиевский собор — крупнейшее сооружение Петербурга. Собор вмещает в себя более 12 тысяч человек. Поднявшись на смотровую площадку,

можно увидеть Петербург с высоты птичьего полёта, ощутить, кажется, самую душу Северной Пальмиры.

Но история постройки храма не проста. Существующий ныне собор — четвёртая церковь, построенная в честь св. Исаакия Далматского. Император Пётр I родился в день памяти этого святого, особо его почитал. В 1710 году около Адмиралтейства была построена небольшая деревянная церковь, носящая

имя Исаакия Далматского. В 1717 году по проекту архитектора Г.Маттарнови на том месте, где сейчас стоит Медный всадник, началась постройка большой каменной Исаакиевской церкви. Но сильный пожар уничтожил этот храм. Новый проект собора разработал архитектор С.Чевакинский. Он же предложил построить новое здание, грандиозное по своему размаху, в центре создаваемой городской площади. В 1810-х

Третий вариант Исаакиевского собора. Антонио Ринальди. 1768 г.

Доставка гранитных колонн по Неве. Литография по чертежу О.Монферрана

годах был объявлен конкурс на архитектурный проект нового храма. В нём приняли участие виднейшие архитекторы того времени. Огюст Рикар де Монферран (1786—1858), молодой французский архитектор, окончивший архитектурную школу в Париже, приехал в Россию в 1816 году. Загоревшийся идеей создания

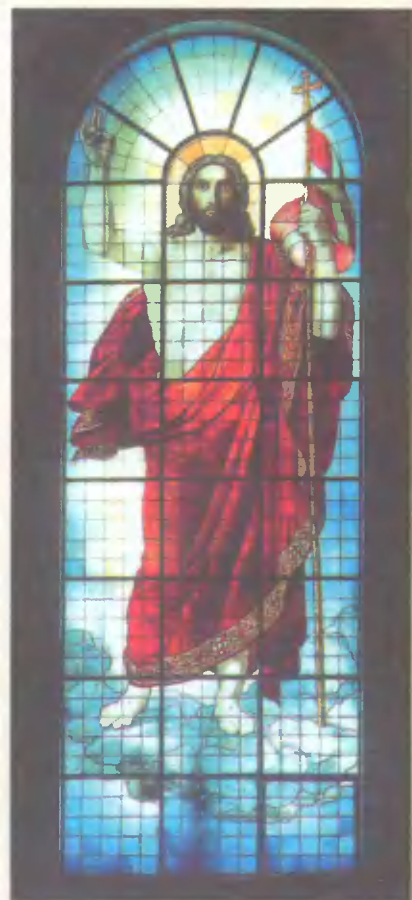
Интерьер собора. Вид со стороны главного алтаря

великолепного здания, он представил двадцать четыре варианта проекта собора во всех стилях: византийском, готическом, романском, китайском... Рассмотрев альбом проектов, император Александр I утвердил один из них. Отличительными чертами так называемого русского классицизма, в котором выполнен собор, являются монументальность, грандиозность строений, их органическая связь с пейзажем. 20 февраля 1818 года был издан монарший указ: «Произвести окончательную перестройку Исаакиевского собора с приличным оному благолепием и утвердив план таковой перестройки по проекту Монферрана». Торжественная закладка Исаакиевского собора произошла 26 июня 1818 года. На воплощение в жизнь этого грандиозного проекта ушло сорок лет. Академией художеств был создан специальный комитет, куда вошли крупнейшие русские зодчие: К.И.Росси, В.П.Стасов, А.И.Мель-

Ангелы со светильником. Скульптурная группа

ников, А.А.Михайлов и многие другие. В работах участвовали сотни тысяч людей. Все конструкции купола выполнены из металла. Учитывая особенности петербургской болотистой почвы, в основание фундамента будущего собора забили 10 762 сваи. Купола собора покрывались золотом так называемым «огневым» способом: на медные листы наносился раствор золота и ртути, затем они нагревались, ртуть испарялась, а золото ровным слоем покрывало поверхность. Эта яркая позолота сохранилась до наших дней. Вот что вспоминает современник об «открытии купола», которое произошло при большом скоплении народа 14 сентября 1839 года: «Я отлично помню тот день, в который был снят громадный холщовый чехол. Какой необыкновенный эффект произвёл огромный купол, прежде чёрный, а теперь покрытый червонным золотом и просто ослеплявший в пре-

Витраж в алтаре

красный солнечный день глаза многих тысяч зрителей... Первые две недели народ постоянно собирался толпами и глазел, радостно улыбаясь, на оконченный собор Св. Исаакия». Но, конечно, ещё продолжались отделки по внутреннему убранству храма. По контрасту со строгостью внешней гранитной серой облицовки

Алтарные ворота

поражали яркостью цветов синий лазурит, зелёный малахит, мрамор всех оттенков... «Царские врата» обрамляют две колонны из драгоценного бадахшанского лазурита. Иконостасы собора сделаны из белого итальянского мрамора в сочетании с мозаичными панно, накладной золочёной бронзой и колоннами из малахита и лазурита. Серый мраморный пол с мозаичными вставками обрамляет фриз из красного кварцита. По фасаду и внутри здание украшают около 500 произведений живописи, скульптуры и мозаики, созданные выдающимися скульпторами С.Пименовым, П.Клодтом, И.Витали и художниками К.Брюлловым, Ф.Бруни, В.Шебуевым и многими другими. На украшение собора пошло около 25 пудов золота, а общая стоимость постройки составила 23 миллиона рублей. Высота Исаакиевского собора с крестом составляет 101,8 метра, длина — 102,2 метра, диаметр осно-

вания купола — 33,7 метра. Монферран оставил на соборе своеобразный автограф: в скульптурном декоре есть группа святых, поклонившихся в момент появления Исаакия Далматского. Среди них скульптор поместил и фигуру Монферрана с моделью собора в руках.

Капелла Святой Екатерины

Торжественное открытие храма состоялось 30 мая (день рождения Св. Исаакия Далматского и день рождения Петра I) 1858 года.

Теофиль Готье, французский писатель и художник, очарованный Исаакием, писал в 1858 году в своей книге «Путешествие в Россию»: «Архитектор здесь не стремился удивить, он искал красоты, и, конечно, Исаакиевский собор — самая прекрасная церковь, построенная в наше время. Её архитектура превосходно соответствует Санкт-Петербургу, самой молодой и новой столице... Климат красит его неожиданными эффектами, которые из римского преобразуют его в совершенно русский храм». И сегодня, спустя почти 150 лет после открытия храма, мы восхищаемся гармонией, в которой сосуществуют удивительные творения рук человеческих — Петербург и Исаакиевский собор.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

Если число 111,111,111 помножить на себя самого, то получится интересное число — 12,345,678,987,654,321 (все числа сначала возрастают, а потом убывают).

Понятие «отрицательное число» впервые ввёл итальянский купец Пизано в 1202 году, обозначая им свои долги и убытки.

Число гугол — это единица и сто нулей за ней. Название числу дал американский математик Эдвард Каснер. Есть ещё число гуголплекс — единица и гугол нулей за ней.

Символ #, часто называемый решёткой, «знаком номера» или «знаком фунта», на самом деле имеет официальное название — октоторп.

Какое пятизначное число при умножении на 4 даёт число, представляющее из себя обратную последовательность цифр исходного числа?
21978 x 4 = 87912.

Блоха может прыгать на 33 сантиметра за один прыжок. Если бы люди имели такую же прыгучесть, человек мог бы совершать прыжки на 213 метров!

Синий цвет притягивает москитов в два раза сильнее, чем любой другой.

Гигантские водяные жуки, обитающие в Южной Америке, могут вырастать до 15 сантиметров в длину.

Квакша, которая

Наталья Гаврикова

Большой пруд, где некогда жила маленькая русалочка, обмелел и превратился в болото, и русалка перешла жить в речной омут, а своё наследство — берестяную шкатулку с бусами из розовых и перламутровых ракушек — оставила Квакше. Квакшей звали самую большую бородавчатую лягушку, которая была хозяйкой болота со всеми его обитателями. Русалочке свобода и простор были дороже всех украшений мира, да и не нуждалась она в них, потому что её переливчатый хвост, гибкое тело и удлинённые затуманенные глаза с изменчивым таинственным выражением и так могли очаровать кого угодно.

А вот Квакша — о, она до страсти хотела стать такой же привлекательной — каждый день навешивала на себя бусы, то изумрудно-лазоревые, то румяно-золотистые, но от

этого казалась ещё более уродливой. В берестяной сокровищнице Квакша нашла волшебное зеркало. В этом зеркале отражалась не только подводная жизнь болота, но и окружающий мир — жизнь леса. Например, будуар бабочки-балерины Мариэль. Мариэль жила в лёгком домике из бересты, мха и цветов, висящем на ветвях обнявшихся высоких деревьев. Мариэль по красоте не уступала русалочке, но, в отличие от неё, очень любила прихорашиваться: пудриться цветочной пылью, обёртывать тонкую талию шелковистыми лепестками цветов и обрамлять теними свои огромные бархатные глаза. Квакше всегда казалось, что Мариэль знает тайну совершенной красоты. Лягушке хотелось побывать у неё в гостях: вдруг у балерины найдётся волшебная мазь — и отпадёт у Квакши её бородавчатая шершавая шкурка, и станет её спинка такой же гладкой, как и животик. Квакша просила лесных птиц перенести её на листе кувшинки в покои Мариэль, но птицы только весело отшучивались и молниеносно разлетались в стороны. Приходилось Квакше до поры до времени утешаться тем, что её квакушата-ныряльщики, с маленькими кислородными баллончиками, доныривали до самого дна болота и собирали замысловатые коряги и камушки, а потом всё это поднимали наверх — в Квакшину коллекцию. Крошечные жители болота — дафны и циклопы — выискивали хрупкие, но звучные инструменты для оркестровки весеннего лягушачьего хора. Но летом жизнь на болоте была однообразной, лишь водомерка от нечего делать целыми днями измеряла болото, словно тренировалась на водных лыжах. Да и у ивы, низко склонившейся к болотной ряске, по ночам на изгибах ветвей загорались неясным мерцанием призрачные глаза светлячков. А Квакше чудились манящие русалочки глаза.

Однажды утром на болото прилетела стрекоза. Её слюдяные, с чёрточками, удлинённые крылья, подобно фантастическому цветку, раскрывались то на вершине камышинки, то в середине болота, где красовалась золотистая кувшинка. «Надо же, — размышляла Квакша, — какие у

хотела стать красивой

Художник О.Ионайтис

желанного подарка, попросила перенести её в хрупкий домик балерины Мариэль.

Каким счастливым показался ей полёт! Лес таинственно шумел, птахи не умолкали.

Когда лягушка прыгнула на хрупкий столик Мариэль, бабочка восторженно воскликнула:

— Ах, боже мой, какая очаровательная гостья! Какое изумрудное у тебя платье!

Квакша уставилась на неё выпуклыми глазами и замерла от удивления. В такой позе она походила на статуэтку.

Мариэль вежливо заговорила с ней:

— Уважаемая Квакша, ты, конечно, можешь остаться в моём доме как самая почётная гостья, и я буду любоваться тобой как красивой статуэткой. Но я так люблю красоту живой природы: переличатые крылья жуков, малахитовые тельца греющихся на камнях ящериц, изящных подвижных кузнечиков, радостно щебечущих птах. Я подолгу смотрю на порхающих, прыгающих лесных жителей и пытаюсь подражать им как балерина. Меня восхитил твой прыжок, Квакша, мне кажется, что у тебя необыкновенные акробатические способности.

С этими словами она поцеловала Квакшу, и та ожила от неожиданной радости и сделала самый грациозный прыжок в своей жизни. Её перепончатые лапки сошлись высоко над головой в виде веера. Широко улыбаясь, она мечтательно наклонила голову набок.

И в эту минуту Квакша была самой счастливой и самой красивой лягушкой.

этой стрекозы разноцветные выпученные глаза! Мои выпуклые, по сравнению с ними, просто безобразны. А стрекозе даже идут эти глазищи, наверное, потому, что у неё гибкая талия и изящные крылья. Будь это вибрирующее тельце покрепче, а крылья не столь прозрачными, я бы попросила госпожу стрекозу перенести меня к бабочке Мариэль».

Квакша делилась своими мыслями с лягушатами и водомерками. Однажды плотник бобёр услышал, как Квакша, громко приквакивая, выражала свои пожелания. Ему не составило большого труда вырезать из дерева своими острыми зубами маленький вертолёт.

Вертолёт приземлился на болотную кочку, и из маленького окошечка выглянул пилот-жук. Квакша, будучи в восторге от

Ветка и дерево

А.А.Иванов. Дагерротип. 1846 г.

Историческая заслуга Иванова та, что он сделал для всех нас, русских художников, огромную просеку...

И. Н. Крамской

Александр Андреевич Иванов (1806—1858), окончив Академию художеств, более двадцати лет жил и работал в Италии. Создал знаменитую картину «Явление Христа народу». Не менее известными и самостоятельными живописными произведениями являются этюды к этому полотну.

На фоне неба, гор, моря — ветка. Такая одинокая и самостоятельная. Знаменитая «Ветка» Александра Иванова — маленький этюд, один из трёхсот к огромной картине «Явление Христа народу». Ветка как порыв жизни, как её вечность. Перецлелись, полубожились при-

чудливо-точно изогнутые ветви. Ветка как рука, дарящая миру листья — огоньки жизни. Они трепещут на этой «ладони», на красивых и сильных «пальцах». Улетают и остаются. Художник сумел заметить и показать нам свет, пробивающийся сквозь листву, и воздух, окутывающий ветку. Свет

изменчив и непостоянен, разно ложатся тени, потому листья и тёмно-зелёные, и совсем бархатные. и совсем светлые. нет-нет да покажутся и спрячутся, тронутые золотом, — осень близко?..

С веткой рядом голубое, светлое от земли небо и лиловые, в коричнево-красных и зелёных от-

Ветка. Конец 1840-х годов

тешках горы, сине-голубая полоска воды, в которую ветка глядится. Ветка живёт и радуется этому соседству. Волшебство её в том, что она как бы и создаёт, украшает пространство, рождая впечатление глубины и неизмеримости. Присмотришься — ветка будто летит близко к нам, но высоко-высоко над землёй, над водой. Мы слышим звенящий голос пространства, ощущаем солнечный свет и касаемся мягкой дымки тумана. И понимаем, насколько высоко многоцветное прозрачно-непостоянное небо... Песня ветки и песня пространства.

Иванов называл свои этюды к большой картине «копченными этюдами»; «...в них, — говорил он, — заключено лучшее время моей жизни». И мы слышим это время, как слышим радость мастера, умеющего создавать совершенное. Когда смотришь на «Ветку», представляешь небольшую фигурку мастера у мольберта, его добрые сияющие глаза, слышишь его детский смех. Он высоко ставил свою миссию художника.

Александр Иванов писал не просто оливковую ветвь, не просто пейзаж, а часть мироздания, портрет пейзажа. Изображал природу «портретным способом» — стремился, как говорили, постичь её душу. Не проводил границы между собой и природой, чувствовал себя её частью, а саму природу — частью своего творчества. Стараясь понять и боясь что-либо упустить, всматривался в пейзаж сосредоточенно-внимательно, до боли в глазах. И глаза болели, да так, что вынужден был прекращать на время работу. Зато деревья и травы в его картинах — живые. Например, «Дерево в тени»: мнится, что это некое прекрасное существо пришло на берег и клонится к воде. Художник ощущал заповедность природы, любовался далью и спокойной удалью простора. Видел природу ярко пылающей множеством красок и настроений. Потому в красках у Александра Иванова есть та призрачно-материальная лёгкость, которая рождается соединением света, воздуха и движения.

Александр Иванов родился и жил художником. Человек мягкий, он умел быть жёстким и твёрдым. когда речь шла о цели его жизни, цели его искусства. Умел сражаться с «околичностями». Хотел писать прекрасные картины, отражающие передовую мысль, а не тяпуться в струнку перед властью имущими, что было неизбежно «в шитом высокостоящем воротнике».

Почти тридцать лет писал он свою философскую поэму — «Явление Христа народу», где главным героем был народ и тревожно билась мысль: произойдёт ли ожидаемое? Пусть произойдёт! Всё отразилось в этой сложной картине: и трагедия личной любви художника, и его любовь к человечеству, и постоянные поиски главного смысла живописи, и утверждение новой «тональной» системы...

Когда смотришь на «Ветку», думаешь и о том, что она подобна самому художнику. Многие годы он жил вдали от родины. Как ветка в этюде — одна, без дерева. Но именно дерево питает её...

Явление Христа народу (Явление Мессии). 1837—1857 гг.

И на Солнце есть пятна

Художник В.ЮДИН

Пятна на Солнце действительно имеются: об этом рассказывает нам астрономия. Эти пятна — воронки чудовищных вихрей, в глубине которых видна менее ярко сияющая оболочка светила.

Крупнейшие «пятна» столь огромны, что их можно видеть простым глазом. Видели их и наши древние предки, но объяснить не могли.

Однако пятна эти так поражали их воображение, что родилась поговорка: «И на Солнце есть пятна». Мы употребляем её и сегодня, когда хотим сказать, что на свете нет ничего, лишённого недостатков.

Заблудился

Поздним августовским вечером, когда огненный диск солнца скрылся за лесом, молодой шмель Жура долго летал в синеве вечера, искал свой дом, но так и не нашёл.

Норка его была под корнями замшелого пня, рядом с небольшой ёлочкой. Но сколько он ни летал, тревожно жужжа, никак не мог найти это место. Тогда он полетел к домику лесника, в котором горел огонёк.

В лесу все знали, что лесник добр. Он не раз выручал из беды лесных жителей, не давал в обиду ни муравьёв, ни ужей, ни пчёл.

Жура разогнался на огонёк, но стукнулся о стекло. Да так сильно, что у него закружилась голова и он упал на землю. Услышав стук в окно, лесник вышел, обошёл кругом домика: никого не было... А утром, когда взошло солнце, увидел перед окном чуть живого шмеля. И, вспомнив, что вчера кто-то стукнул в окно, догадался, что шмель разбился о стекло. Он положил его на ладонь и принёс в дом.

— Поживёшь в коробке, — сказал лесник, — покуда не оклемаешься.

И стал шмель Жура жить у лесника Емельяна. А у того в сторожке ещё кот Варфоломей жил, да собака Найда, да ещё сверчок за печкой.

Первые часы в сторожке прошли для шмеля тревожно: болела голова, еле шевелились крылья... И как он мог заблудиться, думал Жура, матка-шмелиха небось ищет его. Ей ни за что не догадаться, что он сидит в спичечном коробке в доме лесника. В коробке уютно: лесник положил туда щепотку сухого мха, проколол две дырочки, чтобы можно было дышать, и поставил в печурку...

Емельян ушёл обозревать свои владения. Он зорко смотрел, не пилит ли кто без разрешения дерева, нет ли в лесу браконьеров с ружьями да капканами, не разоряет ли кто муравейники.

А в сторожке в это время шла своя жизнь: кот Варфоломей ловил мышей, Найда сторожила дом, сверчок спал за печкой, дожидаясь ночи, чтобы запеть свою песню. Ну а шмель Жура сидел в коробке.

К обеду пришёл Емельян. Принёс коту молока, за которым ходил в посёлок, Найде положил в её миску большую кость — кость ему дали тоже в посёлке, зная, что у него есть собака, — сверчку ничего не принёс, он сам промышлял себе еду. «Ну а чем кормить шмеля?» — озадачился Емельян, и подумав, достал блюдечко, налил в него немного воды, положил туда кусочек сахара-рафинада и, подождя, пока са-

хар растает, выпустил шмеля. Все стали обедать: лесник ел щи, которые достал из печи, Варфоломей лакал молоко, Найда грызла большую кость. Ну а шмель Жура пил из блюдечка сладкий сироп...

Так он прожил у лесника два дня и почувствовал, что в крыльях у него появляется сила. «Скоро полечу домой», — думал он и вспомнил старый замшелый пенёк, а рядом с ним ёлочку, а под ней свила себе гнездо небольшая пичуга, будившая по утрам шмелей своим писком. Тут же поблизости, под большой елью,

растянул паутину паук крестовик — оттуда часто слышалась прощальная мушиная песня. Шмелиха-мать не раз предупреждала его не летать рядом с этой елью, чтобы не попасть в крепкие сети паука.

На третий день, когда Жура уже совсем окреп и окончательно решил улететь, произошла неприятная история. Услышав весёлое жужжание, кот Варфоломей запустил лапу в печурку и свалил коробок. Жура почувствовал удар, испугался и начал тревожно жужжать. Кот стал играть с коробком. Он гонял его по полу, загонял под лавку, под стол. А когда коробок раскрылся и шмель оказался на полу, то кот придавил его лапой, но лапа, к счастью, была мягкой. Варфоломей ещё не выпустил своих острых когтей. Он играл... И неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы не вошёл в дом Емельян.

— Брысь, разбойник! — закричал он на кота, и тот, вытянув хвост, сиганул под печь. Емельян поднял шмеля, посадил снова в коробок и пошёл в лес. На опушке он выпустил его, и Жура, полетав немного, нашёл свою норку, что была под старым замшелым пнём, рядом с небольшой ёлочкой...

Художник В.Юдин

О и Ашишки

Мальчик был одет в штанишки с хозяйского плеча.

Вронский упрекал себя, что он совершил самоубийство.

Половец было во много раз больше, чем Игоря.

Меня посещали мысли — одна за другой.

Занавес открылся, и аплодисменты громко захлопали.

Мама сказала мне вымыть шею до пояса.

На картине нарисованы девочка, собака и её бабушка.

На псарне у Троекурова были топочные собаки.

Описания разных природ занимают большое место в романе.

Печорин отвернул голову набок и пошёл домой.

У неё были карие глаза с веснушками на носу.

Каменный топор сделал из обезьяны человека.

Австралийский кенгуру имеет карман на животе, чтобы прятаться туда в случае непогоды или другой опасности.

Полковник танцевал с дочерью мензурку.

У Чука был брат Хек.

Художник Л.Зубарёва

Забавные палиндромы

Эти фразы читаются одинаково слева направо и справа налево. Попробуйте сочинить свои палиндромы!

Енот

ТОНЕТ ЕНОТ

ДОРОГА ЗА ГОРОД

ОКОЛО МИТИ МОЛОКО

НАЖАЛ КАБАН НА БАКЛАЖАН

МОКНЕТ ОКСАНА С КОТЁНКОМ

Кабан

ОЛЕСЕ ВЕСЕЛО

А В ЕНИСЕЕ СИНЕВА

И ЛЮБИЛ СЕВА ВЕСТИБЮЛИ

КИТ НА МОРЕ РОМАНТИК

НЕ ВИДНО, КАК ОН ДИВЕН...

Кит

Анатолий Лельевр

Картинка-загадка

Картошка с яблоками

Здесь восемь мешков. В одном из них — яблоки, в остальных — картошка. В клетчатом мешке яблок нет. Справа от мешка с яблоками стоит поло-сатый мешок.

Угадай: где здесь яблоки?

Ответ см. на стр.24

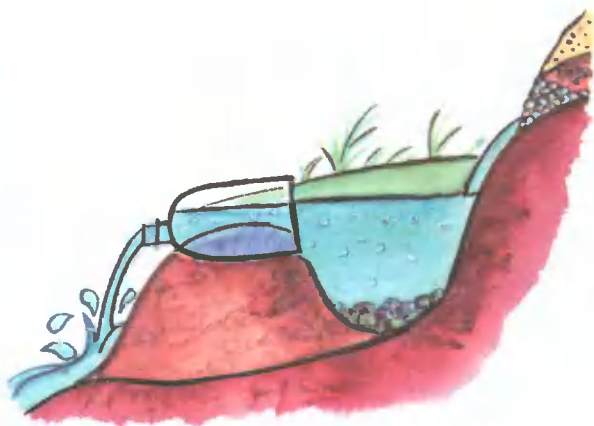
Родник — чудо природы

Настоящее чудо природы — «живая вода», вода родниковая. Какая она вкусная! Как появляется родник? Дождевые капли, не попавшие в ручей и не испарившиеся, уходят в землю. Проходят через верхние рыхлые слои почвы. А в нижних, глинистых слоях задерживаются. Скапливаются и ищут выхода на поверхность. Так рождается родник. Многие родники дают начало ручьям, ручьи — рекам. Сколько животных, птиц и растений питаются живительной влагой родников!

Помочь заброшенному роднику можешь и ты.

Нужно почистить приёмную ямку (место, куда стекает вода) от ила, мусора и листьев. Если выложить дно небольшими камнями, родник не будет быстро заиливаться и вода будет кристально чистая.

Чтобы оборудовать родник с приёмной ямкой простым способом, тебе понадобится лопата и полиэтиленовая бутылка с отрезанным дном. Вкопай её на противоположный от родника край приёмной ямки в качестве трубы для оттока воды на высоте 20—25 см от дна ямки. Не раскапывай место выхода воды из земли, ведь так можно повредить родник.

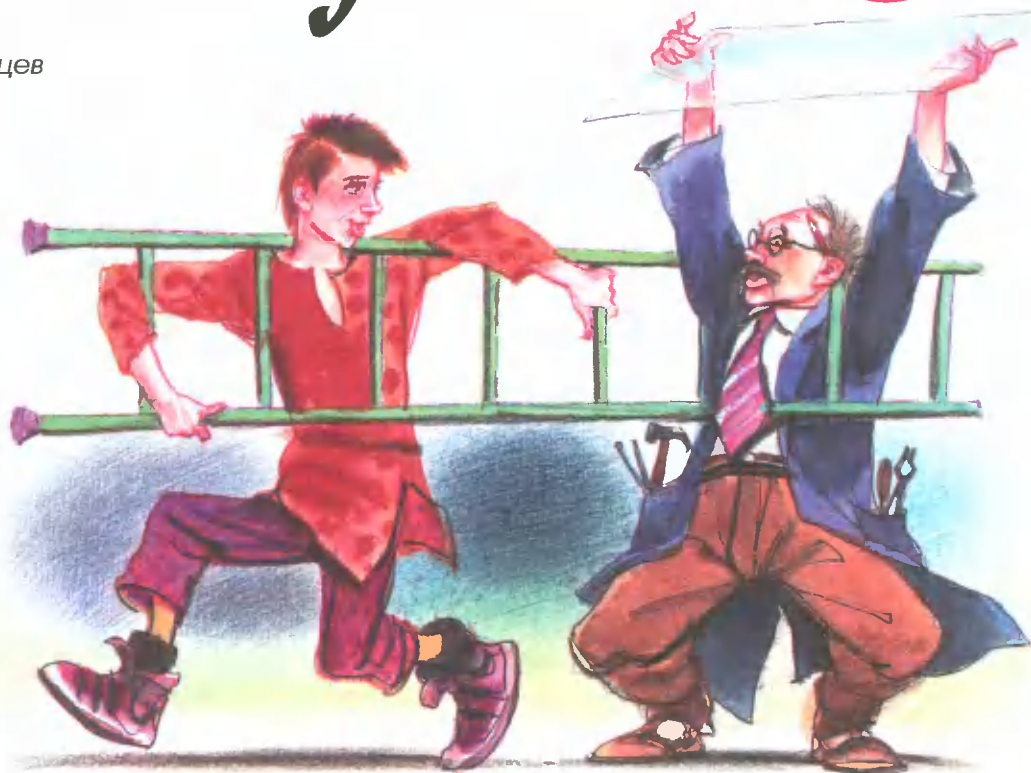

Помощник

Художник В. Зайцев

РАССКАЗЫ

Каждое лето в нашей школе начинается с трудовой практики, когда ребята вместе с учителями приобщаются к труду и делают много полезного для школы. Но случаются и курьёзы, особенно если за дело берётся известный всей школе Паша.

Вот, например, был такой случай.

Однажды Паша вместе с учителем труда Михаилом Кузьмичом, специально вызванным из отпуска, вставлял стёкла в окно первого этажа. Работа была очень сложной. Рамы ещё с зимы оказались забитыми намертво и не открывались, поэтому работать приходилось с улицы. Стёкла плохо резались и никак не хотели вставать на место, да ещё несколько раз принимался моросить мелкий дождик. Михаил Кузьмич злился и ругался в сердцах на старые рамы, которые давно уже пора заме-

нить. А Паша, выполняя его поручения, бегал между мастерской и улицей, где пристроился Кузьмич на стремянке. Сначала Паша бегал через парадную дверь, но быстро сообразил, что так не набегаться, и стал подавать необходимый инструмент через раму, в которой пока не было стекла. Работа продвигалась медленно и трудно: сотни раз Кузьмич залезал на лесенку, примеряя стёкла, сотни раз Паша подавал ему то рулетку, то молоток, то готовое стекло на примерку. И только к вечеру два новеньких, чистеньких стекла были вырезаны и безукоризненно подходили под размер.

— Бери замазку и влезай ко мне, — сказал Михаил Кузьмич Паше. — Сейчас вставим, замажем — и по домам. Мне завтра надо обязательно выехать на дачу, а то рассада совсем засохнет.

Паша снова вылез через окно к учителю, и они, вставив стекло, принялись замазывать щели по его краям. Когда работа была закончена, Михаил Кузьмич облегчённо вздохнул:

— Ну, слава богу! Теперь и домой уйти можно. А завтра на дачу... — И он блаженно потянулся.

Собрав инструмент, учитель направился в мастерскую, отдав Паше последнее распоряжение — сложить стремянку и отнести её на место. Когда Михаил Кузьмич, пройдя через парадную дверь, усталое шёл по вестибюлю, предвкушая долгожданный отдых, в пустой школе раздался дикий звон и грохот. Это Паша, решив сократить себе путь, по привычке пронёс стремянку через только что вставленные стёкла.

На следующий день Михаил Кузьмич никуда не поехал.

Здравствуй, школа!

Дорогие ребята! Вот и заканчивается лето, а с ним — и долгие летние каникулы. Мы надеемся, что вы хорошо отдохнули и успели соскучиться по своим школьным товарищам. Пусть наступающий учебный год подарит вам новые знания, новые встречи и новые планы!

*Петренко Аня, 13 лет,
г. Москва*

Моя школа

«У нас в классе тридцать один человек. Учительницу зовут Наталья Ивановна. Мне нравится наш класс!..» Так начинается сочинение «Моя родная школа» ученицы 1 «А» класса Петренко Ани, коряво написанное фиолетово-синей пастой на мягом листе бумаги. Теперь этот листок, пожелтевший от времени, стоит у меня в рамке. Это — уже моё про-

шлое. Настоящее — средняя школа, 7 «А» класс, новые учителя, множество информации, повзрослевшие друзья и интересные увлечения. Будущее — впереди, но уже сейчас оно определяется. Выбор профессии, склонности и приоритеты. Каждый учитель делится не только знаниями, сведениями о своем предмете, но и частью опыта, накопленного годами, душевным теплом, а порой и смехом, иронией.

Серьёзность и шутка! Ведь школа — мир антонимов! Уроки и перемены, шёпот дождя за окном и шаловливые лучики солнца на тетрадке, «пятерки» и «двойки», победы и поражения, привязанности и ссоры. Есть такой афоризм: «Ученье — свет, а учебников — тьма!» Во многом эта фраза правдива. Порой мне кажется, что слишком уж много падает на наши головы контрольных, проверочных и домашних работ.

Но сейчас и очень радостная, беспечная пора. Ведь школа — это тот уголок души, в котором на всю жизнь остаётся счастливый свет добра, дружбы и первой любви. Незря со средних веков её назы-

вают «вторая мать». И я могу сказать в свои тринадцать лет с такой же уверенностью, как в семь: «Мне нравится наша школа, ведь это моя жизнь!»

*Лапина Лиза, 8 лет,
г. Москва*

Школа

Ходим в школу каждый день,
Нам всегда вставать не лень.
И когда туда идём,
Знания там всегда найдём.

Все из нас хотят учиться
На «четыре» и на «пять».
Так давайте же трудиться
И побольше книг читать!

*Дарья Лохман, 12 лет,
Иркутская обл.*

Первое сентября

Сентябрь. Осень на дворе,
Пора учиться детворе.
На плечи ранец и вперёд —
Мчит подрастающий народ
За знаниями в школу
Ватагою весёлой.

Писать, считать,
Всему учиться,
На перемене веселиться —
Поможет школа нам во всём:
Она почти второй наш дом.

С юбилеем!

Уважаемые создатели и авторы замечательного журнала «Детская Роман-газета»! Так радостно поздравить Вас с чудесным юбилеем — десятилетием.

«Детскую Роман-газету» мы выписываем на протяжении многих лет, все подшивки изданий хранятся в фондах библиотеки. Журнал любят библиотекари, педагоги, родители и конечно же дети. Юбилей издания стал праздником для читателей и библиотекарей. Совместно с активными читателями и почитателями была подготовлена и проведена «Неделя журнала «Детская Роман-газета».

С юбилеем! Спасибо Вам за уважение к читателю, за прекрасные рубрики. Хотим от всей души пожелать журналу процветания, новых творческих удач, постоянного увеличения читательской аудитории, а коллективу — профессиональных успехов, житейских радостей, благополучия и крепкого здоровья.

*Коллектив и читатели
Карачевской детской библиотеки, Брянская область
Игротека (с. 22). Ответ: нижний ряд, второй мешок слева.*

Наш вернисаж

1

2

3

Рисунки читателей Карачевской
детской библиотеки

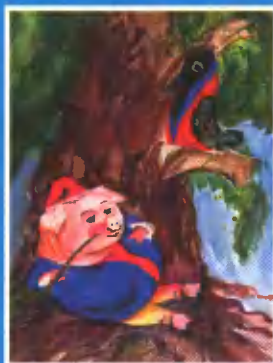
1. Лобзина Катя, 12 лет. «У реки».
2. Шапов Дима, 13 лет.
«Кот в сапогах».
3. Гришукова А., 8 лет.
«Лиса и виноград».
4. Еловигов Антон, 8 лет.
«Слон и Моська».
5. Прядко Ольга, 9 лет.
«Кот в сапогах».
6. Туркова Ольга, 9 лет.
«Свинья под дубом».
7. Полякова Маша, 8 лет.
«У Лукоморья».

4

5

6

7

РОМАН-ГАЗЕТА **8** етская

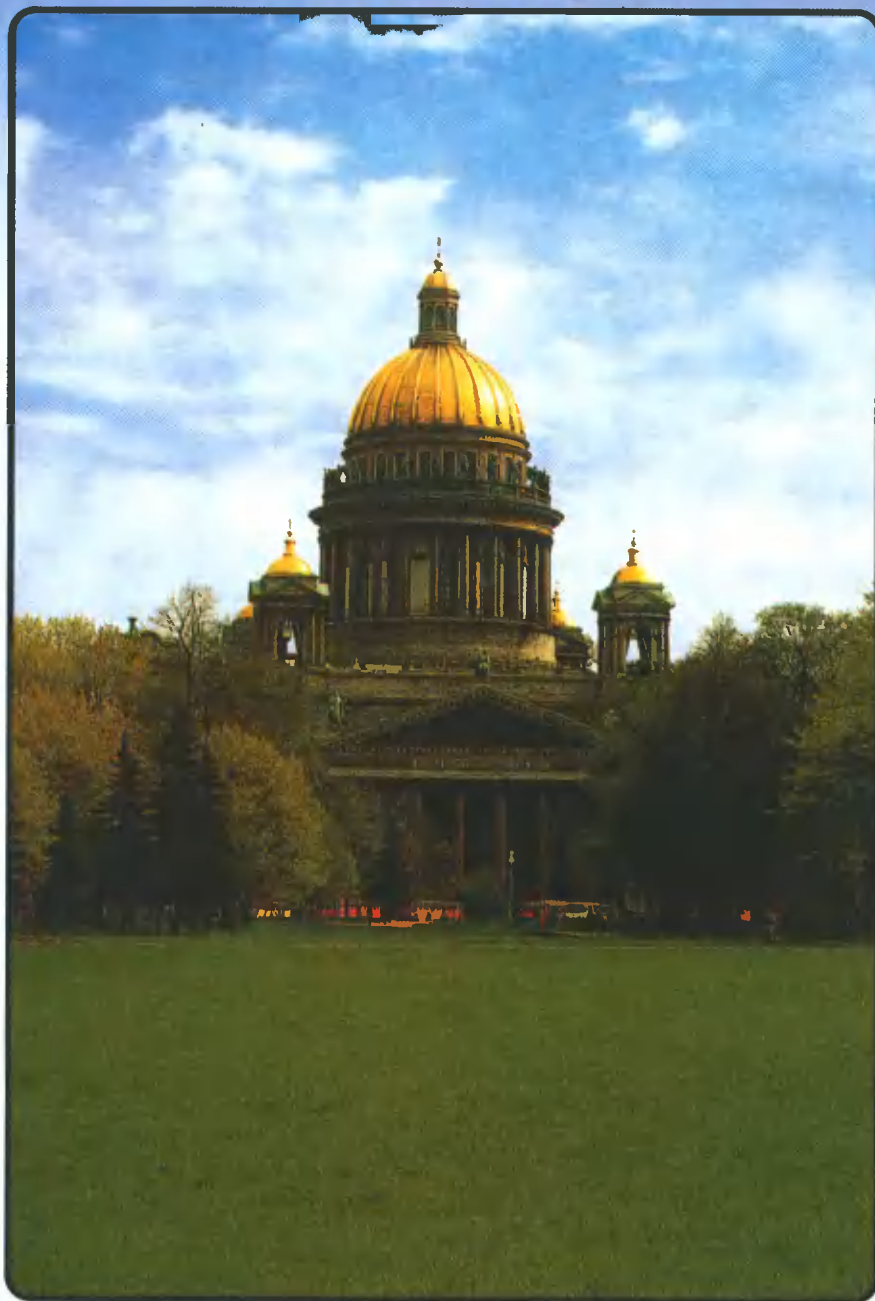
2003 (74)

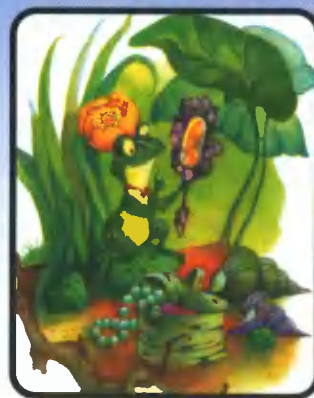
Ашипки

...И в голубом тумане, окаймлённом светом, виднеются купол и изящные формы Исаакиевского собора, который кажется какой-то тенью, спустившейся с неба.

Мария Башкирцева

Исаакиевский собор, Санкт-Петербург

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**

*Квакша, которая хотела
стать красивой*

РАССКАЗЫ:
Помощник

ИГРОТЕКА:
Забавные палиндромы